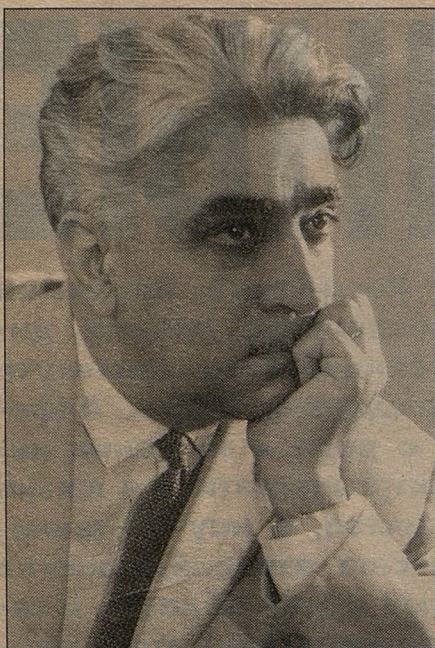

-Марк Исаакович, чем же так памятен Вам эти годы?

Тем, что это был, наверное, самый счастливый период моей жизни. По разнарядке Министерства культуры СССР я должен был поставить на сцене театра музкомедии всего один спектакль - "Король на четвёрку с минусом", но его директор и художественный руководитель народный артист СССР Шамси Бадалбейли уговорил меня остаться и поработать главным режиссёром. Я согласился, и ни разу об этом не пожалел, хотя у меня были и другие предложения. Начнём с того, что я влюбился в Баку сразу и навсегда. В удивительную красоту и особую атмосферу этого города, которую трудно передать словами, - её надо было прочувствовать. Люди самых разных национальностей составляли в нём единую, гармоничную общность, которая называлась "бакинцы". А главное, работать под началом такого гения, которым был Шамси Бадалбейли, это такое счастье! Он сразу же дал мне полную свободу творчества, что в условиях глобального "партикулярства" всеми театрами уже само по себе дорого стоило. Но если учесть, что нашим непосредственным "шефом", то есть министром культуры, был великий композитор и удивительный человек Рауф Гаджиев, большой друг Шамси, а впоследствии и мой тоже, то стоит ли объяснять, как мне повезло. В Баку я поставил более тридцати музыкальных спектаклей, и настоящими жемчужинами среди них были "Куба - любовь моя" и "Кавказская племянница", музыку к которым написал Рауф Гаджиев.

- О Шамси Бадалбейли в то время ходили легенды, часто перемежавшимися анекдотами.

Поверьте, что многие случаи из его жизни, которые современниками воспринимались как анекдот и очередной розыгрыш мазетро, были истинной правдой. Его обожали Кара Караев, Рауф Гаджиев, Ниязи, позже к плеяде этих великих

Марк Исаакович Кларисов - живая легенда ныне несколько подзабытого жанра оперетты. Более полувека он был режиссёром и художественным руководителем многих музыкальных театров страны и даже родоначальником советского мюзикла, первым поставив в 1961 году на сцене Волгоградского театра музыкальной комедии "Мою прекрасную леди". Лишь месяц спустя волшебная музыка Фредерика Лоу зазвучала в Одесском театре оперетты, затем в Риге, Ленинграде, а добравшись, наконец, до Москвы, покорила всерьёз и надолго взыскательную столичную публику.

Недавно Марк Кларисов отметил своё восьмидесятилетие, но возраст - понятие относительное. Особенно если все эти годы прожиты в любви и согласии не только с собственной женой (через полтора года чета Кларисовых собирается сыграть золотую свадьбу), но и с такой веселой и непредсказуемой особой, как её величество Оперетта. Самыми яркими и волнующими Марк Кларисов считает для себя годы, проведённые в Баку, где он, начиная с 1965 года, почти десять лет проработал главным режиссёром русской труппы Азербайджанского театра музыкальной комедии имени Шихали Курбанова.

ценные указания, он никогда не оспаривал их абсурдность. Шамси поступал мудрее. К примеру, приходит телеграмма, в которой его просят сообщить о репертуаре и плане мероприятий в связи со столетием Владимира Ильича Ленина. И это в музыкальной комедии! "Пусть постоит", говорит Шамси, и кладёт письмо в стол. Также поступает и со второй депешей. Когда приходит последнее предупреждение, его постигает та же участь. "Не подумайте, что я плохо отношусь к Владимиру Ильичу, - объяснял нам Шамси, - он у меня в душе. Но не на сцене же."

- А каким Вам вспоминается Рауф Гаджиев?

Блистательный композитор и удивительно обаятельный человек. В нём, несмотря на то, что он занимал высокий пост министра культуры, практически ничего не напоминало чинов-

него была мирового масштаба, но, как водится, "что имеем, не храним". К сожалению, Рауф Гаджиев стал жертвой чиновничьих интриг, которые и стали поводом его отстранения с поста министра. Правда, не успели еще просохнуть чернила на этом приказе, как его пригласили в Москву, где дали трёхкомнатную квартиру в центре. А затем его назначили генеральным советником по культуре и искусству в странах африканского континента. Там он создал три академии: танца, музыки и театра. А когда вернулся спустя четыре года в Москву, его попросили в Африку ещё на четыре года. Вспоминая о бакинском периоде своей жизни, я не без гордости могу сказать, что некоторым образом причастен к первому триумфу Муслима Магомаева. Я был одним из режиссёров-постановщиков, готовящих программу выступления наших артистов во время предстоящей декады азербайджанского искусства в Москве, и включил в неё выступление молодого и мало кому известного певца Муслима Магомаева. Тогда он впервые со сцены Колонного зала Дома союзов спел "Бухенвальдский набат" и на следующее утро проснулся знаменитым. Конечно, такой талант, как у него, недолго бы оставался в безвестности, но, тем не менее, факт есть факт. И я горжусь тем, что волею судьбы помог этому великодушному артисту завоевать мир чуть раньше, чем это могло бы быть.

-Марк Исаакович, не хочется Вам побывать в Баку ещё раз?

Конечно, хочется. Но мне очень хотелось бы пройти по одному из центральных проспектов города, носящего имя Шамси Бадалбейли, вновь мысленно встретиться со своим дорогим другом. Но с учётом моего почтенного возраста эта перспектива весьма проблематична. Сейчас я больше мечтаю о другом - познакомиться твёрдых с моим родным Баку, поставив на сцене одного из местных театров "Кавказскую племянницу". Хочется, чтобы они услышали замечательную музыку Рауфа Гаджиева, увидели сюжет, в котором ярко проявляются тонкий юмор, душевная широта и щедрость азербайджанского народа. В ближайшее время твёрдых увидят оперу Пуччини "Тоска", которую я ставлю с участием известных российских оперных певцов. После этой премьеры всерьёз займусь "Кавказской племянницей". Хочется сделать землякам этот поистине царский подарок от моего друга Рауфа Гаджиева, память о котором у меня так же светла, как и его музыка.

- Спасибо за ваши воспоминания Марк Исаакович, и пусть сбудутся ваши планы на радость тверскому зрителю.

Светлана Авдеева,
собратор.
Тверь

"ШАМСИ, ТЫ САМЫЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ТЕАТРА..."

написала Татьяна Шмыга
на своём портрете

имён присоединился и молодой Муслим Магомаев. Красавец, остроумец, великолепный музыкант и администратор, Шамси был непредсказуем и великолепен. В его квартире на самом видном месте висел портрет божественной Татьяны Шмыги, изображённой в полный рост. Юбочка актрисы была несколько приподнята, и на обнажённой ножке красовалась сделанная ею надпись: "Шамси, ты самый гениальный директор театра из всех, кого я знаю." А она побывала на гастролях во многих театрах мира! Так вот, Шамси Бадалбейли был действительно уникальным руководителем, совершенно непредсказуемым. Он мог придти незаметным в театр, причём с чёрного хода, посмотреть спектакль, а на следующий день устроить такой "разбор полетов", что халтурщикам, игравшим вполсилы, мало не казалось. Зная за ним эту манеру, наши артисты даже самый обычный, рядовой спектакль старались играть как собственный бенефис. Но к талантливым людям у него отношение было самое уважительное. Если он видел в молодом артисте "искру божью", сразу же повышал ему зарплату. А на осторожные замечания администраторов и бухгалтеров, что рановато ещё,

резонно возражал: "А когда же деньги нужны, как не в молодости, в старости и на пенсию прожить можно". В те годы на пенсию действительно можно было неплохо жить.

Со своим московским начальством, и прежде всего с Екатериной Фурцевой, его связывала большая дружба, подкреплённая широтой его азербайджанской души. Знаете, как он ездил в Москву? В отдельном купе у него на видном месте стоял специальный аквариум с живым осетром, а количество чёрной икры исчислялось не банками, а баллонами. Когда из союзного министерства культуры поступали очередные

ника. И я горжусь тем, что первым из режиссёров поставил его спектакль "Кавказская племянница" (не путать с "Кавказской пленницей"). Какая там великолепная музыка! Работа над этим спектаклем нас сдружила. И порой он приглашал меня к себе на дачу. В один из таких визитов я познакомился с французом, которому Рауф Гаджиев писал песни. Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что звали его Жак Ширак, а будущий президент Франции занимал в то время пост мэра Парижа. В другой раз я встретил у него внука Карла Маркса, с такой же окладистой, как у деда, бородой. Слава у